

© 2005 г.

А.В. ЛЫСОВА

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ - ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В США

ЛЫСОВА Александра Владимировна - кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии Института психологии, педагогики и социальной работы Дальневосточного государственного университета.

Домашнее насилие является одной из самых сложных, противоречивых и латентных проблем в большинстве современных обществ, включая США и Россию¹. Чтобы выработать эффективные меры социальной политики для снижения уровня домашнего насилия, необходимо опираться на данные научных исследований о его масштабах и природе. К сожалению, из-за несовершенных методов сбора статистической информации и отсутствия специальных систематических исследований в этой области, мы не располагаем достоверной и полной информацией о масштабах, факторах и проявлении домашнего насилия в России. Наиболее крупное всероссийское исследование насилия в отношении женщин проведено в 2002-2003 гг., основу его анализа составила патриархальная теория [1]. Исходя из косвенных данных и офи-

¹ Автор благодарен программе Фулбрайт за предоставление возможности проводить исследование домашнего насилия в Нью-Йоркском университете в США (г. Нью-Йорк, США) в 2003-2004 гг.

циальной статистики о совершенных преступлениях, можно предположить, что уровень насилия в российских семьях очень высокий (по сравнению с США и странами Западной Европы). Если считать убийство наиболее ярким показателем уровня насильственной преступности в обществе, то, по данным статистики, в 1999 г. в Российской Федерации на 100 тыс. человек приходилось 1927 преднамеренных убийств, в США - 455, Германии - 122, Нидерландах - 142 [2]. Таким образом, в российском обществе сегодня существует сложная проблема, суть которой заключается в следующем. С одной стороны, назрела острая потребность "что-то делать", а, с другой, научных оснований для принятия конкретных мер в законодательной сфере и в области социальной политики недостаточно. Автор считает, что на начальном этапе формирования собственной социальной политики в России с целью снижения уровня домашнего насилия анализ соответствующего опыта других стран будет своевременным и необходимым.

Обратимся к опыту США. В этой стране впервые в мире насилие в семье было признано социальной проблемой национального масштаба. Кроме того, в США находятся крупнейшие центры по разработке теоретической базы, методологии и инструментария для изучения домашнего насилия. Соединенные Штаты Америки демонстрируют уникальные взаимоотношения между научными и политическими кругами в формировании социальной политики, направленной на снижение насилия в американских семьях. Поэтому США не только удобный пример в проведении кросс-культурных исследований, но и своеобразный ориентир в разумном заимствовании сильных сторон их социальной политики.

Если использовать терминологию Р. Геллеса и М. Страуса в описании основных философских подходов в реагировании на домашнее насилие, где они выделяют *бездействие, сострадание и контроль*, то преобладающим подходом в современной политике США в этой области является контроль, обеспечивающий стратегию обязательного реагирования. Под "бездействием" понимается отсутствие каких-либо мер в отношении насилия в семье. Основанием для этого служит убеждение, что насилие - частное дело и может быть разрешено исключительно самими членами семьи. В течение 1960-х, 1970-х и первой половины 1980-х годов ситуация в США характеризовалась бездействием в отношении домашнего насилия.

"Сострадание" как альтернативный подход к реагированию на домашнее насилие уходит корнями в проблему насилия над детьми и характеризуется гуманным, эмпатичным сопереживанием не только к жертвам, но и к тем, кто его совершает. Цель данного подхода в укреплении семьи, а не в наказании насильника. Более того, члены семьи, совершающие насилие над домочадцами, воспринимаются сами как жертвы сложившейся ситуации, страдающие и загнанные в тупик, а не как жестокие и хладнокровные преступники. Такой подход в США впервые предложили применять к случаям домашнего насилия представители социальных служб, представители феминизма и активисты общественного движения в 1970-х годах.

Наконец, "контроль" как подход к реагированию на домашнее насилие заключается в жестком использовании институциональных ресурсов для снижения уровня насилия в семье, наказаний тех, кто его совершает. Контроль главным образом выражается в форме практик обязательного реагирования на домашнее насилие, а именно: обязательный арест, принцип прекращения дела в суде (или обязательное судопроизводство) и обязательное информирование. Согласно закону об обязательном аресте, полицейские обязаны арестовать предполагаемого насильника - чаще всего мужчину, даже если женщина, жертва насилия, выступает против этого. Согласно закону о "прекращении дела", судебное разбирательство не может быть прекращено до тех пор, пока обвиняемое лицо не будет наказано, даже если жертва просит закрыть дело. Считалось, что эта мера позволит уменьшить число случаев давления на жертву. Также был принят закон об обязательном информировании, согласно которому медицинский персонал обязан сообщать о любых фактах насилия в правоохранительные органы.

Стимулом к последовательной смене форм реагирования на домашнее насилие послужило активное движение подвергающихся насилию жен, которые требовали от социальных институтов, прежде всего, полиции, более радикальных мер. В этот период было проведено несколько успешных судебных процессов, возбужденных избиваемыми женами в отношении полицейских. В 1984 г. Л. Шерман и Р. Берк провели эксперимент в полицейском отделении в Миннеаполисе [3] и выявили, что арест ("контроль") - наиболее эффективное средство по сравнению с двумя другими (примирение сторон и предписание насильнику покинуть дом на восемь часов) в предотвращении последующих инцидентов в семье. Результаты этого эксперимента, особенно в условиях политического консерватизма и общей борьбы с преступностью, явились поворотным пунктом в переориентировании социальной политики США в сторону ужесточения, т.е. использования преимущественно политики контроля. Ученые обеспокоены, не слишком ли поспешными были названные изменения?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к научному анализу². В исследовании, проведенном Л. Шерманом и Р. Берком в 1984 г. и послужившим научной основой для принятия законов обязательного ареста и судопроизводства, авторы предостерегали от поспешного принятия законов обязательного реагирования, распространявшихся на все случаи домашнего насилия [6, 7], однако такие законы были приняты. Исследование деятельности полицейских департаментов в США в 1986 г. по результатам эксперимента Л. Шермана и Р. Берка в Миннеаполисе выявило, что одна треть из них изменила политику в отношении домашнего насилия в сторону обязательного ареста [8]. Правительство США выделило дополнительные деньги на введение практики обязательного или предпочтительного ареста на территории практически всех штатов. Л. Шерман и его коллеги в Миллуоки показали, что обязательный арест не только не снижает уровень домашнего насилия, но иногда способствует его росту [7]. Было выявлено, что "полный" (стандартный) и "короткий" (до двух часов) аресты оказывали только кратковременный сдерживающий эффект. В перспективе же уровень насилия в семье возрастал. Другое важное "открытие" данного эксперимента касается типа мужчин, которые после ареста снова склонны были совершать проступок. Насилие в семье снижалось на 2504 случая, если арестованные были англосаксонцами, имели постоянную работу и состояли в браке, но увеличивалось на 1803 случая, если арестовывали афро-американских насильников. Принимая во внимание тот факт, что в данной местности арестовывалось в три раза больше афро-американских мужчин, чем англосаксонцев, обязательный арест предотвратил 2504 случая насилия против англосаксонских женщин ценой увеличения насилия против 5409 афро-американских женщин [7]. Исследования, проведенные в других штатах, подтвердили данные эксперимента Л. Шермана [8, 9].

Под давлением феминизма в большинстве штатов к 1996 г. были приняты законы об обязательном судопроизводстве. Это означало, что дела о домашнем насилии стали рассматриваться по принципу дел об убийствах, где не требовалось присутствие главного свидетеля или жертвы. Делалось это с целью оградить жертву от давления со стороны насильника. Кроме того, серьезным основанием для реализации этой политики послужило предположение об ограниченной способности женщины-жертвы, страдающей от тревоги и депрессии, адекватно оценивать ситуацию по причине испытываемого ею синдрома избиваемой женщины или пережитой травмы.

² Исследование эффективности уже введенных в практику программ в области домашнего насилия - другая очень серьезная проблема в США, которой мы не будем касаться в данной статье. Подробнее об этом см [4]. В 1998 г. на международной конференции в Нью-Гемпшире Р. Геллес, один из крупнейших ученых в области домашнего насилия в США, заявил, что система реагирования на насилие в семье в целом и над детьми, в частности, находится в кризисе, отметив, что миллионы долларов продолжают тратиться на программы, эффективность которых под сомнением [5].

Большинство жертв принимали собственное решение и отказывались свидетельствовать против своих партнеров или мужей в суде [9,10].

К 1998 г. пять штатов приняли законы, требующие от медицинского персонала обязательно информировать полицию о случаях подозрения на домашнее насилие. Однако сами жертвы выражают амбивалентность по поводу этих законов. Так, в исследовании М. Котлер и Р. Чейза избиваемые женщины выразили убежденность в пользе законов об обязательной информации, но не для себя, а для других [11]. Некоторые ученые открыто заявляют, что законы об обязательном информировании могут иметь негативный эффект. Нарушение принципа конфиденциальности подрывает доверие пациентов к медицинскому персоналу и лишает их контроля над ситуацией, отдавая все в руки властей. Это может удерживать как жертв домашнего насилия, так и лиц, совершающих насилие, от обращения за медицинской помощью [12].

В 1980-е годы у ряда ученых возникли серьезные сомнения в эффективности политики обязательного реагирования, которые объясняли свою позицию игнорированием индивидуальных потребностей, проблем и мотивов жертвы насилия, полным лишением ее контроля над ситуацией. Л. Шерман предлагал сделать арест "ориентированным на жертву" [7]. Анализируя эффективность практики "непрекращения" дела в суде, профессор Ч. Ханна отметила, что феминистическая теория не может адекватно разрешить проблему, с одной стороны, осуществления государственного контроля, а с другой - сохранения автономности жертвы. Женщина-жертва домашнего насилия лишается права делать собственный выбор в обмен на защиту, которую предоставляет ей государство. Более того, "вторгаясь в частную жизнь семьи и жертвы, государство само начинает осуществлять насилие, виктимизируя женщину, а не освобождая ее" [10, р. 1868-1869]. Однако, по мнению Ханны, феминистически ориентированные ученые и практики не считают сохранение границ приватности семейной жизни и автономности отдельной личности серьезной проблемой. Исследователи З. Ейзиковитц и Е. Бушбайндер считают, что восприятие женщины как пассивной жертвы в процессе эскалации насилия в интимных отношениях блокирует видение динамики насильственных отношений, а также может приводить к обвинению жертвы [13].

Одну из прогрессивных современных теорий, делающих акцент на динамике насильственных отношений в семье, разработала профессор Л.Миллс [9, 14, 15]. Основную цель своих исследований Миллс видит в усовершенствовании системы реагирования на домашнее насилие через признание реципрокной природы насильственных отношений. Миллс утверждает, что рассмотрение проблемы в терминах, кто виноват, а кто - нет, чье насилие должно быть наказано, а чье - оправдано, препятствует поиску эффективного решения для снижения уровня насилия в семье. Наказание "насильника" не решает проблему, и, наоборот, даже усугубляет ситуацию. Ученый подвергает серьезной критике феминистическую теорию мейнстрима, лежащую в основе современной практики реагирования на насилие в американских семьях. Под "феминизмом мейнстрима" она понимает сторонников феминизма, отстаивающих полицейский подход в реагировании на домашнее насилие [9], неэффективность же системы обязательного реагирования видит, прежде всего, в ограниченности данной теории. Рассмотрим основные положения концепции Л. Миллс.

Насилие в семье - это не односторонний процесс, а сложная динамика отношений между двумя или более активными агентами. В оценке домашнего насилия, как правило, не учитывается уникальный характер семейных отношений, где оба партнера и другие члены семьи являются активными участниками отношений, проявляющими агрессию, вербальную или физическую, практика обязательного реагирования упрощается до обвинения во всем мужчины - насильника и признания невинности женщины - жертвы.

Агрессия и насилие в семье, совершаемые женщинами, - важная составляющая динамики данного явления. Женщины проявляют агрессию и насилие в семейных

отношениях так же часто, как и мужчины. Преодоление стереотипов о том, что женщины слабые и пассивные - решающий шаг на пути к пониманию природы насилия. Представители феминизма, которые придерживаются полицейских методов в разрешении проблемы насилия и отстаивали практику обязательного реагирования, склонны игнорировать агрессию и насилие, совершаемое женщинами, как нечто не существенное и не важное. Они отрицают влияние, которое женская агрессия может оказывать на генезис мужской агрессии. То, что мужчины чаще всего называют причинами своей агрессии, а именно, что жена "пилит", "действует на нервы", "заводится и не может остановиться", не воспринимается серьезно. Представители феминизма мейнстрима настаивают на том, чтобы насильник осознал, что только он один несет ответственность за содеянное.

Исследования показывают, что насилие, осуществляемое мужчинами, не существует в вакууме. Это динамика более и менее значимых форм эмоционального (психологического) и физического насилия. Хотя мужчины, на первый взгляд, обладают большей властью в отношениях, а женщины только подчиняются, в реальности все намного сложнее. Результаты свыше ста исследований демонстрируют высокий уровень агрессивности и насилия, совершаемого женщинами. Так, национальные исследования домашнего насилия в США в 1975 г. и 1985 г., проведенные М. Страусом, Р. Геллесом и С. Стейнметц, выявили примерно равный и даже чуть более высокий уровень насилия, совершаемый женщинами в отношении мужчин. Под насилием М. Страус и его коллеги понимали "действия, направленные на причинение *физической* боли или травм независимо от того, были ли в результате насилия нанесены травмы и повреждения или нет" [16, р. 20]. Исследования, проведенные среди школьников и молодых людей, встречающихся на свиданиях, демонстрируют не только равный, но даже более высокий уровень насилия со стороны женщин. Кроме того, международное исследование, выполненное В. Бербонк, позволило выявить "женское" насилие во всех 137 сообществах, которые были включены в анализ [17]. Одно из исследований домашнего насилия, проведенное в России в 1996 г., выявило, что женщины чаще являются инициаторами вербальных оскорблений, особенно в возрасте 18-29 лет, и провоцируют физические оскорбления. Авторы подчеркивали, что "в оскорбительное поведение вовлечены и мужчины и женщины: одни мужчины не могут быть виноваты в кризисных семейных ситуациях, которые заканчиваются насилием" [18, с. 237].

Обладая примерно таким же "насильственным потенциалом", как и мужчины, женщины выражают его несколькими другими способами. Традиционные женские роли оказали существенное влияние на формирование так называемых пассивных или "непрямых" методов выражения агрессии. Так как мальчики и мужчины крупнее и физически сильнее женщин, то их агрессия чаще всего выражается через применение физической силы. Девочки же и женщины чаще прибегают к использованию лучше сформированных у них вербальных и эмоциональных способностей в выражении агрессии. К. Бьеквист описывает непрямую агрессию как попытку причинить кому-то боль, при этом избежав мести. Вербальное насилие служит примером так называемых "стратегий низкого риска" в выражении агрессии. Примером таких стратегий среди девочек чаще всего являются распространение слухов, установление отношений с людьми, которые неприятны партнеру, подговаривание группы к исключению кого-то из ее членов с целью навредить ему и т.д. [19]. Взрослые женщины прибегают к тому, что портят любимые вещи партнера, выгоняют его из дома, отказываются вступать в сексуальные отношения, готовить пищу или делать что-то другое, о чем существует договоренность в отношениях. Отличительная черта женской агрессии заключается в том, что чаще всего она совершается в семье и направлена против всех членов семьи, включая детей. Исследования вербальной агрессии матери по отношению к сыну выявили корреляцию агрессии матери с последующим высоким уровнем злости в отношениях сына со своим интимным партнером. Таким образом, результаты приведенных выше исследований подчеркивают

важность признания всех форм насилия в динамике - физического и эмоционального, совершаемого мужчинами и женщинами, родителями и детьми.

Физическое насилие, совершаемое женщинами, чаще всего рассматривается как шутка или эмоциональная вспышка, а его жестокие формы, вплоть до убийства, воспринимаются как самооборона. Но когда женщина "шуточно" бьет своего партнера по лицу, то ее шансы стать жертвой насилия значительно увеличиваются. По мнению М. Страуса, "чтобы снизить насилие в отношении жен, для женщин важно прекратить делать то, что они считают "безвредными" пощечинами, шлепками или бросанием предметов в мужчину-партнера, который может прийти в бешенство и не станет слушать оправдания" [16, р. 21]. Однако роль женщин в динамике насильственных семейных отношений до сих пор мало изучена.

Эмоциональное и физическое насилие представляют единый процесс динамики домашнего насилия. Система обязательного реагирования основывается на положении теории феминизма мейнстрима, что эмоциональное и физическое насилие - две совершенно разные категории. Профессор Миллс считает это намеренной стратегией феминизма с целью реализации практики обязательного реагирования без осложнений [9]. Исследования женской агрессии показывают, что эмоциональное насилие - один из самых влиятельных типов оружия, которыми пользуются женщины. При этом научные данные подтверждают тот факт, что психологическое насилие часто приводит к физическому. Исследование Мерфи и О'Лири показало, что оба партнера способствовали эскалации конфликта, ведущего к насилию [20]. Поэтому снижение психологической агрессии, выражаемой партнерами, может привести к снижению физического насилия, а значит и травм, полученных жертвой. Чтобы привлечь внимание общественности к проблеме насилия над женами, представители феминизма мейнстрима сосредоточились исключительно на травмах, которые "жестокие" мужчины наносят "беззащитным" женщинам. Как бы женщины ни реагировали в ответ, физически или эмоционально, их поведение не считается заслуживающим внимания. Кроме того, насилие, совершаемое женщинами, феминизм мейнстрима представляет исключительно в качестве самообороны - необходимой реакции на мужское насилие. Однако исследование Дж. Стетс и М. Страуса опровергает это предположение и демонстрирует инициирование жестоких форм насилия в отношениях примерно в равной степени как женщинами, так и мужчинами [21].

Женщина-жертва домашнего насилия лишается контроля над ситуацией. Не-признание феминистками мейнстрима агрессивности женщин помимо искаженного восприятия природы семейных отношений как одностороннего, а не взаимного процесса, имеет другие очень негативные последствия, которые выражаются в практике обязательного реагирования. Речь идет о лишении женщин-жертв домашнего насилия контроля над ситуацией. Однако если эффективная социальная политика заключается в ориентировании не только на защиту женщин-жертв, но и на выявление и искоренение паттернов динамики насилия, чтобы оно не происходило в дальнейшем, то активное участие одной из сторон насилия является необходимым. Данные научных исследований показывают, что более половины женщин стараются сохранить отношения, и от 50% до 60% избиваемых женщин возвращаются к партнерам [9]. Причем это происходит не только в силу экономических причин или беспомощности жертвы насилия, как полагают многие феминистически ориентированные ученые и практики, а в силу других, не менее важных факторов, а именно: любви и привязанности к мужу и отцу своих детей, этнической принадлежности, культурных традиций. Важное положение, которое лежит в основе практики обязательного реагирования, заключается не только в том, что женщины слишком слабые, чтобы защитить себя, но и в том, что они хрупкие, психически неуравновешенные, нерешительные, зависимые и требуют контроля. В этом случае политика контроля не рассчитывает на силы и потенциал, которыми, несомненно, обладают жертвы домашнего насилия, и лишает их возможности эффективно противодействовать насилию в семьях в будущем.

Государство, получая неограниченную власть над судьбой жертвы, ненамеренно само совершает насилие в отношении жертвы домашнего насилия. Уже само по себе игнорирование желаний жертвы агентами социального контроля Л. Миллс рассматривает как форму эмоционального насилия со стороны государства. Миллс выделяет восемь типов эмоционального насилия государства над жертвой: отказ быть услышанной; унижение; запугивание; социальная изоляция; неадекватная социализация, выражающаяся в принуждении совершать преступления; эксплуатация интересов отдельной жертвы ради интересов большинства; эмоциональная безответственность и ограничение передвижений жертвы [14].

Система обязательного реагирования игнорирует тот факт, что преступления, совершаемые в семье, носят интимный характер, т.е. совершаются между близкими людьми. Это положение теории Л. Миллс подтверждают криминологические исследования. Д. Блэк выделил четыре стиля социального контроля: компенсирующий, примиряющий, терапевтический и наказывающий, куда относятся практики обязательного реагирования. Норвежский криминолог Н. Кристи полагает, что наказывающий стиль не применим к преступлениям, совершенным в семье. Он отмечает, что в отношениях между близкими людьми "преступление и наказание принадлежат к одному уровню абстракции. В социальной системе, где одно из них не приносит никакой пользы, другое также не может быть полезным. ...Такая упрощенная реакция, как наказание, не будет считаться ни естественной, ни обязательной" [22, с. 89]. Принимая во внимание социальную дистанцию между преступником и жертвой в случае преступлений, совершенных в семье, наказание может только умножить зло, причиненное жертве. Например, в результате ареста дети не видят отца, семья испытывает материальные лишения, так как утрачивает второй или единственный заработок, жена продолжает любить мужа и, более того, может винить в произошедшем себя. Таким образом, ученые-криминологи не видят смысла в применении наказывающего стиля к преступлениям, совершенным в семье.

Предлагая альтернативные модели реагирования на насилие в семье, криминологи сходятся во мнении, что адекватный стиль наказания, применимый к случаям домашнего насилия, это комплекс примиряющего и терапевтического стилей. С позиции примиряющего стиля девиантное поведение одного из членов семьи, рассматривается как индикатор дисгармонии всей системы, которую нужно восстановить до уровня первоначальной гармонии. Терапевтический стиль заключается в признании наличия у насильника проблем с контролем своих мыслей, чувств и поведения. В рамках этого подхода предполагается такое терапевтическое воздействие на личность девианта, которое меняет эту личность, возвращая ее к норме.

Л. Миллс, взяв за основу принципы восстанавливающего правосудия (restorative justice) [23], разработала собственную модель, которую назвала "круг домашнего насилия" (the Intimate Abuse Circle) [9]. На встречи, организуемые специалистами, приглашаются не только насильник и жертва, но и близкие родственники. Главная задача этих встреч не найти виновного и не оправдать жертву, а проследить динамику отношений между партнерами, установить вину каждого члена семьи и сообща выработать план дальнейшего прерывания цикла насилия. В данный момент в США эта модель внедряется в практику с целью получения данных об ее эффективности.

Исследования показывают, что попытки обвинить мужчин и оправдать женщин, что делается в рамках обязательного реагирования, не позволяют бороться с домашним насилием адекватно. Так как женская агрессия является неизбежной частью динамики семейного насилия, что подтверждается также исследованиями в России, Миллс предложила собственный подход, который основывается на принципах восстанавливающего правосудия (restorative justice). Сторонники теории динамики насильственных отношений, включая Л. Миллс, говоря об активной роли жертвы в динамике отношений и принятии ответственности за нее, не обвиняют жертва в случившемся с ними и не считают их ответственными за это. Признание существования динамики насильственных отношений и принятие ответственности за собственный

вклад в динамику вместо поиска единственного виноватого позволит не только глубже понять природу домашнего насилия, снизить уровень его, но и помочь женщинам овладеть большим контролем над ситуацией и принимать собственные решения.

В условиях отсутствия в России достоверных научных данных по проблеме домашнего насилия и несформированной социальной политики знакомство с опытом США позволит российским ученым и практикам использовать все положительное из уже разработанного, внедренного и апробированного в этой стране и воздержаться от повторения не оправдавших себя методов и подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в современных российских семьях. М.: МАКС Пресс, 2003
2. Seventh united nations survey of crime trends and operations of criminal justice systems, covering the period 1998-2000 Office on Drugs and Crime Center for International Crime Prevention. [<http://www.unodc.org/unodc/crime-cicp-survey-seventh.html> 03.04.2003].
3. Sherman L. W., Berk R. A. The specific deterrent effects of arrest for domestic assault // American Sociological Review. 1984. Vol. 49 Issue 2 (April). P. 261-272.
4. Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США // Социол. журн. 2003. № 3 С. 99-115
5. Gelles R. How evaluation research can help reform and improve the child welfare system / Program evaluation and family violence research / Ed. by S.K. Ward, D. Finkelhor. New York: Haworth Press, 2000. P. 7-28.
6. Berk R. A., Newton P.J. Does arrest really deter wife battery? An effort to replicate the findings of the Minneapolis spouse abuse experiment // American Sociological Review. 1985. Vol. 50 Issue 2 (April). P. 253-262
7. Sherman L. W., Schmidt J. D., Rogan D. P., Smith D. A., Gartin P. R., Cohn E. G., Collins D. J., Bacich A.R. The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // The Journal of criminal law and criminology. 1992. Vol. 83. №. 1 P. 137-169.
8. Paie A. M., Hamilton E. E. Formal and informal deference to domestic violence: The Dade county spouse assault experiment // American Sociological Review. 1992. Vol. 57 Issue 5 (October). P. 691-697.
9. Mills L. Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse Princeton: Princeton university press, 2003.
10. Hanna C. No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // Harvard law review. 1996. 109. P. 1849-1909.
11. Coutler M. L., Chez R. A. Domestic violence victims support mandatory reporting: for others // Journal of family violence. 1997. Vol.12. № 3. P. 349-356.
12. Rodriguez M.A., Shelton W.R., Rao N. Abused patient's attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // Domestic violence and health care- policies and prevention / Ed. by C Reyes, W.J. Rudman, C.R. Hewitt New York: Haworth Medical Press, 2002. P. 35-147
13. Etsikovitz Z., Bushbinder E. Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. Thousand Oaks, California: Sage, 2000.
14. Mills L. Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // Harvard Law Review 1999. №113. P. 550-613
15. Mills L. Intimate abuse as more than innocence and guilt // Harvard Law Review, forthcoming 2004.
16. Straus M. The controversy over domestic violence by women, a methodological, theoretical, and sociology of science analysis // Violence in intimate relationships / Ed by X.B. Arriaga, S.Oskamp, Thousand Oaks, California: Sage, 1999. P. 17-49.
17. Burbank V. Female aggression in cross-cultural perspective // Behavior science research. 1987 №21. P. 70-100.
18. Римашиевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь Супружеские пары в 1996 г. М.: Academia 1999. С. 190-229.
19. Bjorkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // Aggressive behavior. 1992 № 18. P 117-127.

20. *Murphy C.M., O'Leary K.D.* Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology* 1989. Vol.57 (5). October. P. 579-582.
  21. *Stets J.E., Straus M. A.* Gender differences in reporting marital violence and its medical and psychological consequences // *Physical violence in American families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families* / Ed. By Straus M., Gelles R., New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1999.
  22. *Кресту Н.* Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.
  23. *Restorative justice and family violence* / Ed. by *H.Strang, J.Braithwaite* Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2002.
- © 2005 г.